

ЭКСПЕДИЦИЯ ВО МРАК

II ЧАСТЬ – ЛИЦОМ К ЛИЦУ С ПРОПАСТЬЮ

6. ДЕСЯТИЛЕТИЕ УДАЧИ

1. БЗЫБСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Мы оставили наших подземных великанов в самом начале десятилетия "восемидесятых" – в препирательствах по поводу глубинного приоритета.

Гонку возглавляла Жан-Бернар, единственная в Море пропасть, перешагнувшая глубину в четырнадцать сотен метров – ни много, ни мало –1410.

Следом, ноздря в ноздю, мчались Пьер-сен-Мартен (-1332м) и наша Снежная, где экспедиция Морозова 1980-го года остановилась в зале Пенелопы на глубине – 1320 метров.

В третьем эшелоне у отметки –1200 метров отталкивали друг друга локтями красотики Гуффер Берже и Сима де лас Пуэртас де Ильамина, больше известная под прозаическим и несколько поношенным названием БУ-56.

Но наступало следующее десятилетие, и в споре за Корону подземного царства уже народились иные, еще неизвестные миру, соперники. Кейвинг вступал в новое десятилетие открытий.

А нас неудержимо притягивал Кавказ.

Я хочу на Кавказ, я хочу на Кавказ,
К черноморскому солнцу!
Чтоб парная жара, чтоб дорога с утра,
Чтоб колючки на склонах,
Чтобы буковый лес, чтоб тропа до небес,
Чтобы белые скалы,
Облака чтоб у ног, и шальной ветерок,

Тот, что лица ласкает. (*247)

Там, где мощно стремится свои воды к близкому морю красавица Бзыбь, по ее скалистому ущелью вьется шоссе. Ежедневно десятки и сотни автобусов и автомашин поднимаются по этой дороге к жемчужине побережья – горному озеру Рица.

Высятся по сторонам узкой полоски асфальта сумрачные стены. Серый известняк, шум горного потока. Здесь излюбленные места тренировок и соревнований скалолазов. Из окон "Икарусов", открыв рты, смотрят на них туристы.

На исходе шальное лето,
И опять на хребте Судьбы
Нас Арабика тянет влево,
А направо нас тянет Бзыбь...
Горы в небо вонзают скалы –
Не пытайся их блеск забыть!
Нам Арабика шепчет: "Чао!"
"До свиданья!" – нам шепчет Бзыбь.
И когда на пороге тайны
Лишь останется крюк забить,
Улыбнется нам Жове-Квара,
Усмехнется седая Бзыбь.
Понимаешь, такое дело –
Суждено нам Кавказ любить,
И Арабика смотрит слева,

Да-а, мало кто знает, что по сторонам дороги на Рицу, будто в боевом противостоянии, сошлись главные пещерные районы Западного Кавказа: слева – Арабика, Гагрский хребет, справа – Бзыбский массив, коротко, одноименно реке – Бзыбь.

Я хочу на Кавказ, чтобы Бзыби оскал
Веселил наши души!
Чтоб гитары и смех, чтоб тревога о тех,
Кто уходит все глубже.
Чтоб охрип телефон: "Мы ушли за сифон!
Мы прошли сквозь завалы!"
Чтобы выйти наверх
И, не веря, смотреть на лучистые скалы.

* * *

Ах, эта Бзыбь! В нашей памяти – это, прежде всего, все-таки – Снежная. К началу восьмидесятых Снежная поставила перед первопроходцами немало достойных задач.

Летом 1981 года их попытались решить экспедиция Татьяны Немченко. Из зала "Метростроя" удалось пролезть вниз по щелям между завалом и монолитной стеной, и выйти в тихий "Песчаный" зал. Из зала был найден спуск к реке, которая вскоре снова терялась в завале. Эта точка оказалась на 15 метров ниже зала "Пенелопы". Но куда идти дальше, увы, было непонятно.

Глубина Снежной стала –1335 метров.

Особенностью Снежной оставалось то, что все ее 1335 метров открывались только одним входом. Никакие более низко расположенные входы не могли облегчить достижение дна. И это очень существенная особенность!

Итак, наша экспедиция "Снежная-81" углубила знаменитую пропасть на 15 метров. Мало? Иногда один метр стоит доброй сотни. С этими метрами Снежная (–1335) немножечко обошла ПСМ (–1332).

Мы – вторые после Жан-Вернар!

Но всем было ясно, что три метра, разделявшие супергигантов – весьма сомнительная разница.

* * *

Так или иначе, но начало 80-х знаменовалось резким подъемом советского спелеологического движения. С приходом к руководству Центральной комиссией спелеотуризма Александра Игоревича Морозова, измученный междоусобицами в верхнем эшелоне власти советский кейвинг, наконец, вздохнул вольным воздухом.

Прежде всего, увеличилось число всесоюзных учебных мероприятий.

В 1982 году на Западном Кавказе проводились сразу два таких семинара.

Школа инструкторов спелеотуризма (СИП) под руководством Владимира Резвана отправлялась на Алек.

Семинар высшей спелеотуристской подготовки (ВТП) под началом москвича Николая Чеботарева с тоской ожидал заброски на Бзыбь. В те времена вертолет у нас все еще был редкостью, а пешком восходить на плато...

Традиционно оба семинара начинались на Хостинской турбазе "Южная", после чего перебрались в удивительно уютный Воронцовский приют, расположенные вблизи одноименной пещеры.

Интереснейшее это было время! После длительной изоляции друг от друга на Кавказ съехался, без преувеличения, весь цвет советского кейвинга того времени. Подобным кворумом мог похвастать, пожалуй, только Всесоюзный семинар высшей инструкторской подготовки 1985-го года, о котором я уже рассказывал.

Ну, а пока – мы собрались на приюте "Воронцовский".

Погода на Кавказе – капризная тетка. Над побережьем, на радость отдыхающим – солнце, над горами, на горе нам – облака. Как сейчас, вижу навесы над кухонными очагами Воронцовского приюта, угрюмую фигуру лидера ленинградцев Володи Демченко, озабоченного чисткой картошки не меньше, чем погодой.

Но гитара с нами, и тут же рождается "Посвящение ВТП-82":

Какая чудная погода!
На вертолет надежды нет.
Глядеть на небо неохота.
Тем более – на Бзыбь переть.
А рюкзаки – помилуй Боже!
Ну, редко, где не шестьдесят.
Вот потому смурные рожи
На нас уныло так глядят...

Их ждут приятные находки:
Ну, чем не чудо – "Сувенир"? (*249)
И минимум четыре ходки,
Чтобы дойти до этих дыр!
Нам на Алек гораздо ближе.
Для нас и муха – вертолет!
Огонь с утра кастрюльку лижет,
А дождик, падла, льет и льет.

Ну, что же делать, что же делать,
Коль вертолета не дадут?
А что тут думать, – ВэТэПэшник?
Бери рюкзак и в гору дуй! (*250)

Несмотря на весьма относительные художественные достоинства, песенка оказалась, что называется, "в жилу" и неизменно выжимала вымученные улыбки "ВэТэПэшников" Чеботарева.

Кончилась неделя теоретической подготовки, и наши семинары разъехались по своим хребтам, чтобы через месяц устроить совместный послезекспедиционный банкет на роскошной поляне у слияния рек Западной и Восточной Хоста.

Помните в той песенке такую строчку: "Их ждут приятные находки..."?
Она оказалась пророческой.

* * *

Вы, конечно, помните, что в 1979 году неподалеку от Снежной усилиями спелеологов МГУ была найдена новая пропасть, названная по имени Сергея Меженного. Начинаясь очень эффектно – почти 400-метровым каскадом вертикальных колодцев, пещера на глубине около 500 метров вдруг упиралась в непроходимую узость.

Но пещеры такой глубины уже просто так на произвол судьбы не оставляют. Тем более, мысль о том, что новая пропасть должна где-то сомкнуться со Снежной появилась едва ли не сразу при открытии. Это была заманчивая идея!

Не могу удержаться, чтобы не предоставить слово старожилу и одному из первопроходцев моему доброму товарищу москвичу Юрию Шакиру (*251).

"...Вернувшийся из-под земли Булат Мавлюдов предложил определить местоположение шахты относительно Снежной. В ход пошли схемы, карты и даже теодолит. Выяснилось, что между пещерами около километра, а их входы разнесены по высоте на 35 метров. Значит, если они соединятся, то подземная система выдвинется по глубине на второе место в мире!

*Итак, теперь нужно соединить две пещеры между собой.
Цель ясна, вперед!*

Легко сказать "соединить"...

При встречах мы с Сашей Михалиным нередко делились своими планами.

– Ты понимаешь, спортивные прохождения известных пещер привлекали меня до тех пор, пока я не совершил спуск в самые сложные шахты...

– И тогда ты заинтересовался поиском и первопрохождением новых пещер, – улыбнулся я.

– Естественно! Что может быть привлекательнее и интересней!

– Значит, летом на Раздельный хребет?

– А куда же еще?

Наша зимняя поездка на Кавказ послужила хорошим толчком для спортсменов спелеосекции МГУ. Уже в мае 1980 года в горы устремилась группа математиков и геологов под руководством Николая Чеботарева. Весной подземные потоки очень бурные, так что на нескончаемых каскадах ручья первопроходцам пришлось очень несладко. В мокрых комбинезонах было совсем не жарко на холодном ветру, и согреться участникам спуска удавалось только при забивании шлямбурных крючьев для навески веревок.

Первый удар противника выразился в том, что крючья кончились раньше, чем каскады. Делегаты отряда вылезли наружу и отправились к Снежной – там работала группа москвичей. Неожиданная радость – крючья есть, даже в избытке, только за ними нужно спуститься в пещеру на 200 метров.

Сказано – сделано. Когда математики Коля Чеботарев и Марина Фунтова принесли в свой лагерь драгоценное железо, геологи закричали "ура!" и сразу устремились под землю. В шахте опять застучал скальный молоток.

Второй удар противника был из тех, что обычно воспринимается спелеологами с неудовольствием только наполовину: снаряжение кончилось раньше, чем пещера. О топосъемке в условиях, когда от грома водопадов люди с трудом слышат друг друга в нескольких метрах, речи не было. Математик Чеботарев оценил достигнутую глубину строго на глаз и ошибся не намного – мы знали, что шахта перевалила за 300 метров.

– А что дальше-то?

– Колодец, наверное, метров пятьдесят... Перед ним более двадцати каскадов.

– Интересно, сколько осталось еще?

– До чего?

– До соединения!

Чтобы внести ясность в этот вопрос, спелеологи МГУ пожаловали на Раздельный хребет летом. Кого здесь только не было! Студенты, аспиранты, инженеры и научные сотрудники, обремененные степенью и семьей. Некоторые прибыли к месту экспедиции с семейством. По поляне сновали три девчущки, самой младшей из них, Танечке Юмашевой, было 6 лет.

Взрослые занимались серьезными делами. Мама творили у костра что-то съедобное и по запаху, похоже, вкусное, а мужчины держали в шатре очередной военный совет. Штурм глубокой шахты силами могучего отряда спелеологов – дело нешутливое. Все сильные и опытные, готовые к любым трудностям!

Впрочем, о степени готовности придется сказать особо. Получив задание, спелеолог обычно выходил на пригорок, обкладывался извлеченным из рюкзака личным снаряжением и некоторое время скептически его изучал. Потом вздыхал и отправлялся взглянуть на доспехи товарища. Если там обнаруживалась ситуация еще хуже, на сердце немного легчало и можно было снисходительно посоветовать не отставать от непрерывно шагающей вперед конструкторской мысли. На примере личного образца, зачастую достаточно уникального в своей оригинальности, совершался обмен опытом и, при возможности, оказывалась помощь недостающими деталями.

Мало удовольствия, конечно, обнаружить собственное отставание в техническом вооружении. Перед выходом в пещеру появлялось неприятное чувство неуютности:

начинали сверлить беспокойные мысли о недостаточной надежности. Чтобы обрести утраченный комфорт, отстающий вооружался всем, чем можно, из ремнабора (плоскогубцы, отвертка, проволока, жест и т.п.) и принимался творить в соответствии с общей модой.

Слово "мода" здесь не случайно. По-другому трудно охарактеризовать ажиотаж вокруг лифчиков, которые вдруг начали шить себе из капроновых стропов почти все мужчины. Позднее выяснилось, что в пещере такой фасон страховочной сбруи вел себя весьма своеобразно – веревочные стремена превращались в нитки, а подъем – в опасное занятие.

Что поделаешь, если в магазинах снаряжения не бывает, – каждый спелеолог делает его своими руками.

Надежность самодельного снаряжения часто тоже оставляет желать лучшего – его постоянно приходится чистить, отлаживать и временами чинить. Вот где рождается непостижимое для постороннего терпение спелеолога!

Перед самым спуском под землю у Саши Дехтяренко отказал головной свет. Освещение – самый важный элемент жизнеобеспечения под землей. Больше часа просидел на самом солнцепеке в полном облачении, включая гидрокостюм, наш уважаемый завхоз, пока фара не засияла ярким светом. Заулыбался и Саша, услышав, как потрясенные зрители называли его железным мужиком. Бросив прощальный взгляд на небо, железный мужик вслед за товарищами исчез в подземелье.

Задача стояла обычная: навесить снаряжение до такой-то глубины. Однако планы постоянно срывались по разным причинам, среди которых неизменно присутствовала легкая нескромность в оценке своих возможностей. Шахта требовала при штурме интенсивной работы в суровых условиях: в окрестностях Доброго колодца температура не превышала +3°C. Ниже немного теплеело – целых +6°C! Если вспомнить пронизывающий ветер вдоль ручья, можно представить ощущения людей, работавших на его каскадах. Из-за отсутствия информации о размерах каскадов спуск по следам весенней экспедиции носил характер повторного первопрохождения. На каждом уступе, спускаясь вдоль ручья, группа навески занималась кропотливым подбором подходящих по длине веревок и лестниц – хотелось, чтобы их хватило как можно глубже!

Одновременно с группами навески работали телефонисты Андрей Игнатенко и Александр Вильф. Они тянули под землю линию связи, стараясь сделать ее недостижимой для лазающих туда-сюда спелеологов. Трудную работу связистов оживляли веселые эпизоды, когда наверху кто-нибудь в неподходящий момент нетерпеливо крутил ручку телефона, нутужно крича в трубку: "Барышня! Это Земля. Мне срочно нужны Райские ворота!" После этого лицо абонента принимало по меньшей мере огорошенный вид: "Из-за меня вас бьет током?! Извините, пожалуйста... Куда идти?... (Соседу) Не слушай, Оля. Это намного дальше Райских ворот".

* * *

Эти армейские телефоны много кому вспоминаются с дрожью. Замечательно надежная штука она обладала нокаутирующим электрическим разрядом в фазе вызова абонента – 100 вольт не шутка!

Наиболее приятные ощущения оставила мне работа подземным телефонистом в Напре. Верхняя часть пропасти весьма суха. В белых штанах, конечно, по Напре не прогуляешься, но, по крайней мере, до -600 можно спокойно передвигаться без гидрокостюма, даже если пренебрегать правилами SRT-навески.

Все было бы замечательно, но вот телефон! Противная машинка требует для работы не только присоединения к проводу, но и надежного заземления. Где его взять, если камни влажные и только?

Пока парни пробрасывают мешки по одному из 15-метровых колодцев, решаю выйти на связь с базой на поверхности. Положение у меня не очень удобное – ход в этом месте представляет широкий вертикальный разлом переклиненный на разных уровнях солидными каменюками, по которым мы и совершаем сейчас всю нашу акробатику с мешками.

Пудобнее устроившись на одной из таких глыб, достаю из мешка пластмассовую коробушка телефона, открываю, деловито присоединяю на зачистку – оголенное от изоляции место на проводе один из "крокодильчиков". Теперь "земля"... Куда же ее приспособить? Можно держать одной рукой телефон, а другой крутить ручку, но некуда пристроить проклятое заземление.

Вечная проблема "третьей руки"!

Принимая замысловатые позы, пробую и так и этак и, окончательно замороженный и выведенный из себя не нахожу ничего лучше следующей комбинации: зажав между коленками телефон, я одной рукой прижимаю "крокодильчик" заземления к мокрой лужице на камне а другой...

Знатоки уже ржут!

Да-да, другой рукой я что есть силы кручу ручку вызова.

Только по счастливой случайности я не свалился с моего камня – шибануло меня по высшему разряду!

Мне повезло, и я даже не выронил проклятый телефон, хотя желание зашвырнуть его подальше было почти непреодолимо.

Кто не пробовал – рекомендую.

* * *

Но вернемся в Меженного.

"Наверное, после такой электротерапии Игнатенко слишком нервно полез по лестнице и потому не удержался, когда под ногой поехала одна ступенька за другой. От неожиданности Андрей соскользнул и полетел вниз. Страховочный зажим висел преступно низко – рывок получился чрезмерно сильным, и 6-миллиметровый капроновый шнур оборвался. Трудно сказать, на каком каскаде остановился бы Андрей, если бы не настоящая мужская челюсть, которой он зацепился за нижнюю ступеньку лестницы! Не отцепляя подбородка, "планерист" надел на веревку самохвата и полез наверх, с холодком сознавая, какого пикирования ему удалось избежать."

В лагере все с уважением разглядывали подбородок героя, не жалея комплиментов. Отходя в сторону, парни самокритично проводили ладонью по заросшим лицам и, вздохнув, решительно срезали с зажимов старую оснастку: долой ненадежный шнур!

Неизгладимые впечатления остаются у тех спелеологов, кто попадал под землей в паводок. Как-то мы стали свидетелями удара лавины воды из русла ручья, когда по счастливому стечению обстоятельств мы только-только вылезли из-под Райских ворот. В ту же минуту где-то там наверху будто дернули ручку – и веселый ручей мгновенно превратился в грозно ревущий водопад! Пораженные зрелищем, мы стояли, застыв, поодаль и поеживались от мысли: начнись паводок получасом раньше, и нас отрезало бы от поверхности бушующей преградой, причем возможно надолго – порой вода не спадает в течение суток. Как ни обидно, но дожди частенько отнимали у нас возможность поработать, разрушая один план за другим.

Постепенно все пришли к мысли, что лучше потерять лишний день на подъеме к пещере, чем один час работы под землей.

Наступила зима 1981 года, и, воплощая в жизнь эту мысль, на Бзыбь, вверх по глубокому снегу, устремилась геологическая рать спелеологов секции МГУ под руководством поднаторевшего в разных переплетах Саши Михалина. Им пришлось очень несладко: палатки, устанавливаемые после утаптывания площадок, еле высовывались из сугробов! Тяжелые мешки со снаряжением и непрерывно падающий снег затянули "восхождение" под Хипсту, и на работу в шахте осталось около трех суток...

– Сэкономили, – чесали затылки закаленные бойцы.

Летом геологи умчались в поле, Саша Михалин вместе с Юрой Косоруковым, Валентином Горбаренко, Михаилом Ноздрачевым и другими ребятами из спелеосекции в который раз пошли на крутой подъем к шахте. Она звала первопроходцев!

После их возвращения я с завистью слушал рассказы о том, как они до устали мотались по хитрому лабиринту узких ходов, а потом, ликуя, ворвались в огромную галерею, где глаза разбежались – куда идти?

В создавшейся обстановке не растерялись Миша Ноздрачев и Дима Китаев – они полезли именно туда, где обнаружилось новое продолжение. Там по высокому тоннелю текла уже самая настоящая река! Возбужденные своим открытием, парни буквально понеслись вдоль нее: скорее, скорее – до Снежной, наверное, рукой подать!

Но... путь преградил сифон. Незримый противник, наверное, с усмешкой наблюдал, как суетятся два здоровых парня в поисках дальнейшего пути – ваше время кончилось, спелеологи!

В результате этой экспедиции размеры пещеры ощутимо выросли. Если раньше протяженность ее ходов укладывалась в 500 метров, то теперь счет пошел на километры.

Следующий шаг в изучении шахты сделала осенью 1982 года группа спортсменов из разных городов: они работали по программе школы Высшей спелеотуристской подготовки. Начальником всесоюзного лагеря, раскинувшегося на Раздельном хребте, был не кто иной, как Николай Чеботарев, давно имевший зуб на шахту..."

* * *

По графику семинара отделение Демченко работало в Меженного. Понятно, что всем не давала покоя непроходимая узость, которой заканчивалась на глубине –570 метров пройденная часть пещеры. Не лезть же в сифон, когда есть другие варианты?

По счастливой случайности в составе отделения Демченко оказался чрезвычайно изящный телосложением спелеотурист из Куйбышева – Марс Алтынбаев. Совершенно неожиданно для скептически настроенной толпы Марсу, раздевшись до майки, удалось просочиться в узость шириной всего в 20 сантиметров и до того считавшуюся непроходимой.

Парень протиснулся сквозь теснину и куда-то ушел. Его более могучим товарищам оставалось только интенсивно сглатывать слюну.

Разведчик принес оглушительные новости – галерея продолжалась, уходя все глубже! И тогда народные массы возмутились. А всем известно, что если народ соответствующим образом вдохновить, он способен горы свернуть. Так и случилось. То, на что не могли решиться предыдущие экспедиции – свершилось. При помощи весьма скудного ударного инструмента узость была расширена. Отделение Демченко устремилось в прорыв и вышло на подземную реку. Был открыт ручей Невский и масса других ходов. Это была сенсация!

"Отделение В.Демченко занялось топоъемкой продолжения: к их радости, открылась целая система длинных ходов, в которых нужно было разобраться.

Когда топографический план шахты наложили на карту, где раскинулась Снежная, спелеологи были ошеломлены: пещеры вплотную подошли друг к другу! Определенную роль в этом сыграла, конечно, суммарная ошибка топоъемок двух огромных полостей. Но ее оказалось достаточно, чтобы вокруг известия немедленно разгорелись страсти и в спелеосекциях закипела напряженная подготовка к новым штурмам".

Да. Рассказы об удаче в Меженного, принесенные ВэТэПэшниками на банкетную поляну, взбудоражили весь Союз.

Счастливые улыбки Демченков запомнились мне навсегда – они затмевали блеск солнца, отраженного в Западной Хосте.

То, что за "лазом Марса" галерея через 200 метров вновь упиралась в сифон – значения не имело: вокруг было немало вариантов для поиска обхода.

Река Меженного могла быть верхним течением знаменитой реки Снежной.

А могла и не быть.

Так или иначе, Меженного обещала новые открытия.

* * *

Едва вернувшись с ВТП, "братья разбойники" – Владимир и Олег Демченко развернули интенсивную подготовку дальнейшего штурма. Пещера "шла", и сознание этого мощным магнитом притягивало к Меженного внимание спелеологов всей страны.

В феврале–марте 1983-го ленинградцы снова на Бзыби. Необычно снежная даже по кавказским меркам зима превратила подходы к пещере в настоящий штурм. Двенадцать суток понадобилось, чтобы протропить подъем, на который летом едва ли понадобилось больше трех-четырёх дней.

Но труды на заброске оправдались – спуск в Меженного дает новые открытия. Команда братьев Демченко добавляет к уже пройденному новые 220 метров галереи (*252), но из-за нехватки снаряжения вынуждена остановиться перед очередным колодцем.

По реке, как и в Снежной, потянулись бесконечные завалы.

* * *

Ленинградцы отступают, но радость открытий приправлена изрядной долей беспокойства. Дело в том, что в это время к штурму готовится команда москвичей под руководством Александра Морозова.

Топографическая съемка ленинградцев не оставила сомнений в том, что река Меженного действительно является верхней частью Снежинской реки – пещеры готовы были слиться в единую подземную систему.

Где-то водные потоки соединялись.

Но где?

И кому выпадет честь соединить эти замечательные пропасти?

По мнению Морозова, открытие соединения было бы достойной вехой в его многолетних исследованиях Снежной.

Братьям Демченко, по не менее понятной причине, хотелось логического завершения столь удачно начавшегося доисследования системы Меженного.

Что думали на сей счет первооткрыватели Снежной и Меженного спелеологи МГУ, можно только догадываться, но в эту битву они вмешаться не решились.

* * *

Летняя 1983 года экспедиция москвичей в составе Александра Морозова, Аркадия Иванова и Александра Кореневского была на грани успеха. Пройдя колодец, о который споткнулись ленинградцы, москвичи открывают большой зал, могучую засыпанную завалами галерею, по которой удастся пройти еще на 450 метров.

Мощная река терялась в очередном завале, а путь вперед преграждал небольшой но... непроходимый без веревок колодец. Снаряжение кончилось.

На топографических планах обе пещеры, Снежная и Меженного, уже пересекались – сказывались погрешности съемки.

Соединение где-то рядом, но его нет.

Удача, поманив морозовцев, скользнула мимо рук.

Братья Демченко чувствовали, что Фортуна может показать ленинградцам тыльную часть тела. Морозов – серьезнее конкурента подыскать было трудно!

Госпожа Удача любит настойчивых. Это ленинградцы понимали, и поэтому, едва отойдя от предыдущего штурма и с грехом пополам уладив текущие дела, в последних числах ноября уходящего 83-го года их команда вновь у Меженного.

Это была 13-я экспедиция за 4 года с начала исследования пещеры!

Той осенью, рассказывая участникам Каунасского спелеологического совещания о подробностях этой захватывающей исследовательской гонки, Александр Игоревич Морозов уже намечал свою следующую, 14-ю по общему счету, экспедицию в декабре–январе. Москвичи буквально висели на плечах ленинградцев. Если промахнутся Демченко, Морозов...

Но Демченко не промахнулись.

Как часто бывает в судьбах замечательных открытий, все решил случай. В который раз обшаривая проклятый завал, куда уходила подземная река, и уже подумывая о возвращении, тройка ленинградцев в составе братьев-разбойников и Алексея Спиридонова неожиданно понесла материальный ущерб: Олег Демченко уронил скальный молоток.

История умалчивает, какими именно словамиотреагировали свидетели событий на этот вопиющий факт, но можно предположить, что сначала никто из группы не оценил должным образом эту замечательную оплошность.

Да-а, в тот исторический момент вряд ли кто-нибудь из доблестной троицы обрадовался перспективе остаться без молотка.

Гипнотический опыт прохождения завалов Снежной толкал все группы исследователей Меженного к поискам обхода того последнего завала также вверх под своды зала. Отчаявшись найти проход в верхней части завала, ленинградцы без особой надежды на успех принялись обшаривать узкие проходы между глыбами у самой воды. Силы экспедиции таяли, а за спиной нависал сильный и удачливый Морозов, готовый этой же зимой перехватить успех.

И вот в этот критический момент, когда оставалось только свернуть исследования и возвращаться, молоток ускользнул от хозяев и булькнул в воду между камней.

Сразу после экспедиции весьма скупой в проявлениях на поприще эпистолярного жанра Владимир Демченко писал в письме к Резвану примерно следующее:

"Не такие мы парни, чтобы разбрасываться молотками!"

И негодующие ленинградцы принимаются ворочать глыбы, стремясь вернуть себе утерянное имущество.

За очередной глыбой приоткрылась щель...

Остальное было, что называется, делом техники.

За щелью открылась галерея, где практически сразу же наткнулись на тур морозовской экспедиции, в 1981 году исследовавшей верхнее течение Снежинской реки.

Пропасти были соединены!

* * *

Можно себе представить досаду команды Морозова, упустившей такое первопрохождение!

Они утешились, если можно этим утешиться, тем, что совершили первый в стране траверс вновь возникшей пещерной системы Меженного-Снежная.

Превышение уровня входа в Меженного над уровнем входа в Снежную составило +35 метров, и новая система с денивеляцией 1370 метров закрепила свои позиции на втором месте в мире.

Кто мог тогда предположить, что через год после траверса этой суперсистемы Морозов предпримет еще одну зимнюю экспедицию, которая станет для него и его товарищей последней?

* * *

Кстати, о превышении в +35 метров.

Летом 1986 года, накануне первой нашей SRT-экспедиции в Снежную, один из лагерей нашей команды был разбит у Меженного – параллельно основной работе мы заглянули и в ее замечательный 400-метровый каскад.

Так вот, стоя у входа в пещеру – такой, знаете, непрезентабельный входик, если сравнивать со Снежной, правда, с прибитой к камню подковой на шлямбурном крюке, я невольно стал искать глазами Снежную.

Погода была замечательная, и в динозавровой хребтине Раздельного хребта ложбинка у входа в знаменитую пропасть виднелась достаточно отчетливо.

Но что это? Почему-то мне показалось, что ложбинка эта лежит выше горизонта моего взгляда.

Знаете это ощущение? Чувствуешь, что смотришь вверх, а не вниз...

Кто привык подолгу вглядываться в окружающий пейзаж, поймет, о чем я говорю.

По ощущению выходило, что вход в Снежную лежит выше Меженного? Как же тогда с официальными цифрами? Такими вещами обычно не шутят.

Немедленно отправляюсь к палатке и вскоре возвращаюсь ко входу в Меженного с полным набором средств для обычной полуинструментальной топосъемки – горный компас, линейка, транспортер, мерная нить.

Соорудить примитивный нивелир (*253) не составляет особого труда.

Мой примитивный уровнемер подтвердил подозрения: визир упорно упирался ниже среза входной воронки Снежной метров на 30–40.

Что ты будешь делать?

После экспедиции я поделился своими сомнениями с Володией Резваном.

– А чего ты удивляешься? – усмехнулся Резван. – Надо было сделать "вторую в Мире"? Вот и сделали!

Так как я не уверен в своих измерениях, но вполне доверяю своим ощущениям, то предлагаю заинтересованным лицам сделать более точные измерения.

"Всего-то и нужно" – затащить на Раздельный добрый геодезический нивелир. А?

* * *

У кого из спелеологов не защежит сердце при известии, что где-то в досягаемой близости "пошла" пещера?

Радость от общего успеха смешивается с легкой завистью: "Ну почему не у нас!"

Но редко кто срывается с места, чтобы приобщиться к чужому успеху.

Обычно такая весть действует как инъекция упорства – надо работать, искать, рыть, глядишь – и у нас пойдет!

Практика работы на Кавказе недвусмысленно показывает: все, кто имел настойчивость разрабатывать свой район в течение пяти и более лет – добились успеха. Пещеры сначала неохотно, затем все активнее устремляются вниз.

С Гагрского хребта, что высится слева от трассы на Рицу, район Снежной не виден. Бзыбь высится темной стеной, часто увенчанной облаками.

А здесь – скалистый рай!

Арабика! Совершенно удивительный мир скал и снега, пропаханный древними ледниками и изрытый карстовыми воронками.

Все снега да снега,
Не сказать, что июль,
Нас встречает Арабика снегом.
Пока день не угас,
Вверх лежит наш маршрут –
В край, где скалы сливаются с небом.

И почувствуешь вдруг:
Замыкается круг
В этом Богом забытом углу.
Воздух тонок и сух,
И ласкают наш слух:
Христофор, Ачмарда, Гельгелук. (*254)

Сколько поэзии в названиях этих придорожных поселков, что раскинулись в предгорьях и высоко в горах вдоль головокругительной автотрассы, ведущей в небо!

Дорога! В этом еще одна приятная особенность Арабикских экспедиций – возможность заброситься автомашиной практически к самым пещерам.

– Сто рублей рейс! – возмущается Юра Бессерегенов, руководитель белоусовской группы, загружая выдавший виды ГАЗ-66 экспедиционной поклажей. – Цены – с ума спрыгнуть!

Цены ценами, но вид огромной кучи наших мешков, московских ящиков и польских голубых бочек с гордой надписью "PZA" (*255), отбивает всякое желание подставлять под нее собственные плечи.

В первую езду отправляем основной груз, во вторую – все оставшееся, и набиваемся сами под самую завязку.

Дело к ночи. Это нормально. Днем здесь не ездят. Мы еще не знаем – почему.

И вот бог здешних дорог – Симбат, садится за руль, ревет двигатель, машина взбирается вверх.

...На буковый лес падает ночь – стремительно, по-кавказски.

И тут же, как по мановению волшебной палочки, во мраке леса вспыхивают зеленые искры светлячков. Они прочерчивают влажную ночь пунктирами трасс, превращая мрачные заросли в сказочную страну.

Забывая о тряске, заморожено плывем через чудесный лес.

Светлячки летят и летят волнистыми зелеными трассерами, как будто мерцающие слезинки лесных фей...

Граница леса отмечена "воротами".

С высотой становится как-то светлее, и на фоне призрачных хребтов ирреальными громадами высятся по сторонам дороги два огромных дерева – Ворота Гюзле.

Холодает. С близких уже снегов тянет бодрящим ветерком. Но дорога не дает особо задумываться о неудобствах – извивается немислимыми серпантинами, заставляя нас из всех сил цепляться за борта и друг за друга.

"Шестьдесят шестой" не вписывается в повороты – машина то и дело с натужным воем утыкается в склон обочины, скрипят тормоза, медленно осаживаем задним ходом к пропасти. Хорошо – темно, не видно, и то, как представишь, куда в случае чего лететь – жуть берет.

Визг тормозов, машина дергается сначала назад, затем вперед, берет с места и вкручивается в очередную петлю дороги. Через минуту – новый поворот, и операция повторяется в зеркальном порядке.

А над горами – Смотрите! Смотрите! – россыпи огней.

Это побережье!

Это Адлер!

А это что – тоненькая цепочка огней – аэродром?

Ну, вот и перевал. Какие-то убогие без единого огня строения, лай собак, серебро снега. Зуб на зуб не попадает. Кутаемся кто во что.

За перевалом дорога идет вниз.

Те из нас, кто когда-либо сидел за баранкой, инстинктивно давят ногой несуществующую педаль тормозов. Наш перегруженный грузовик тычется в обочину над пропастью, завывая двигателем, пятится назад, снова ныряет вниз.

Разговоров нет. Все напряженно молчат, уставившись во тьму. Что будет, если откажет тормоз, сцепление или еще что-нибудь откажет в нашей потрепанной технике – думать не хочется.

Сколько мы едем: три или шесть часов?

Но всему есть конец. Выгружаемся в крошечной тьме на какой-то пустоши среди гор и снега.

Из уст в уста передается желанное словечко – Гельгелук, последний форпост цивилизации на нашем пути. Самого поселка не видно. Люди здесь живут по законам природы, а не вопреки им: ложатся с закатом, встают с рассветом. Электричества нет.

Мы палатки поставим,
Найдя пятачок
Меж воронок засыпанных снегом.
Нас закатное солнце
Усталым лучом
Приласкает весеннею негой.
Смотрит в душу с утра,
Как царица, гора
В окружении облачных слуг.
Серпантина змея...
Как живете, друзья,
Мой Багнари, Гюзле, Гельгелук?

* * *

– Ну, как дорога, Юра? – спрашиваю Бессергенева на встрече между ходками.
Мы челноками таскаем экспедиционный груз от места выгрузки к поляне нашего базового лагеря, что обустраиваем в паре сотен метров от входа в Перовскую.
Юра крутит головой:
– Я б за сто рублей не повез! Они, думаешь, чего по ночам ездят?
– Чтоб со страху не помереть.
– Чтобы движок не перегревался! – смеется Юра. – Ну, и со страху тоже. Хотя им что, они тут привычные!

Утро очаровывает нас открывшимся великолепием гор.
Бзыбь выглядит как-то мягче, благообразнее, положе. Здесь же острые известняковые гребни и пики будто состязаются между собой в изяществе и утонченности форм.
Арабика! Что-то чудится в этом слове – будто тонконогий арабский жеребец с трепетными нервными ноздрями на курносом носу.
Справа – треугольный пик, снег скалистых цирков которого слепит на солнце глаза.
Слева – гигантская скальная пила удивительных форм. Мы еще только пришли, а уже при мысли, что придется уходить, покинуть все это сразу полюбившееся великолепие, щемит сердце.

А когда все пройдем,
Улыбнемся с тобой
И с Арабики Бзыби помашем.
Небо в красках зари,
Но на касках горит
Незакатное солнышко наше.
И почувствуешь вдруг:
Все проходит, мой друг,
Ветер гонит с кострища золу.
Но в воротах Гюзле
Смотрят ласково вслед
Богорупшта, Сандрипш, Гельгелук...

* * *

К 85-му году Арабика догнала Бзыбь по числу "тысячников".
Рядышком со Снежной, недостижимо царившей в карстовых глубинах, в строй Бзыбских пропастей встала Напра (-956 м). Ее река, уходящая в затянутую песком щель под отвесной стеной донного зала, давала определенные надежды на продолжение.

Арабика же усилиями киевлян и москвичей из Перовского клуба выдвинула в число претендентов на всесоюзное первенство (до мирового было еще далековато) пропасти Куйбышевскую (-740 м) и Перовскую (-950 м).

Так что: два-два с качественным перевесом на стороне Бзыби.

Команда Саши Климчука, пробившись в 82 году через 200-метровые колодцы и завалы Куйбышевской до -740, застряла в совершенно уже грандиозном завале, который терпеливо исследовала в ходе нескольких последних экспедиций.

Зато Перовская - "пошла".

В 80-м году московская экспедиция под руководством В.В.Илюхина открыла вход в пропасть в средней части ригеля вот этой ледниковой долины - трога, на борту которой стоит сейчас наш цветастый международный лагерь. Поговаривали, что вход в Перовскую в буквальном смысле приснился одному из сподвижников Илюхина - Александру Ефремову. Приснился и был найден в том самом приснившемся месте!

Вход открылся в протаявшем снежнике, но за впечатляющим началом - прекрасной крутонаклонной галереей и 100-метровым каскадом колодцев, исследователи неожиданно споткнулись о настоящий лабиринт на глубине около -250 метров.

Пещера выбрасывала вниз тупиковые ветви, упорно не пропуская первопроходцев к настоящему продолжению.

И тут, в самом разгаре исследований, Перовский клуб и весь советский спелеотуризм потрясла тяжелая потеря: при возвращении из экспедиции "Арабика-82", в Гантиади был сбит автомашиной и погиб Владимир Валентинович Илюхин.

Илюхин погиб в самом расцвете творческих сил в возрасте 48 лет.

Какая странная случайность! Его коллега и противник Александр Игоревич Морозов через три года погиб тоже на Кавказе и тоже в возрасте 48 лет...

Но работы в пропасти продолжались.

В 84-м штурмовая четверка во главе с москвичами Владимиром Киселевым и Михаилом Дякиным "берут верный след" подземного потока и на глубине -950 метров достигают сифона.

Теперь это место носит название "сухого дна".

* * *

А что же наши зарубежные конкуренты?

К 1985 году в мировой табели о рангах первые места занимают уже 8 пропастей глубже 1200 метров, тогда как к началу десятилетия их не насчитывалось и половины от этого количества.

Уаутла, обогнав было соперниц, смогла прибавить к своей денивеляции только 20 метров, но этого оказалось маловато, и мексиканка переместилась на 6-е место: -1246 м.

Испанка Ильямина обошла-таки француженку Берже, хотя и та не стояла на месте.

Напомним, что после прохождения легководолазом Фредом Поджия сифона на соединении пропастей Гуффр Рододендронс и Берже, система получила денивеляцию 1198 метров.

Затем удалось присоединить к системе еще одну пропасть - Фромажер. И наконец, в ходе экспедиции "Спелео-Рагаи-82" подводнику Патрику Пенесу удалось пройти конечный в цепочке донных сифонов Берже - 5-й сифон, на целых 170 метров. По его словам галерея в том месте, которого удалось достичь, имеет приличный диаметр - до 5 метров, и просматривается до отметки -55 метров от входа в сифон.

Таким образом, система Берже-Рододендронс-Фромажер достигла денивеляции 1248 метров.

Испанка БУ-56 оказалась удачливее.

Помните, как в 80-м году французская команда совершила головокружительный штурм этой пропасти, преодолев за одну экспедицию перепад высот около 1000 метров? Но пропасть продолжалась.

И вот в 1981 году при поддержке властей провинции Наварры в пропасть направляется большая франко-итальянская команда.

Вчитываясь в скудные строчки описания этой атаки, с трудом сдерживаешь волнение. В этом, наверно, и заключается магическая сила пера и бумаги, не говоря уже о кино – не имея возможности увидеть все воочию, тем не менее, приобщаешься к первопроходцам, переживаешь вместе с ними незабываемые минуты штурма, захватывающие приключения.

И все же... как жаль, что нас не было там!

Первым делом на глубине –800 метров в нижнем конце зала Ронкаль был установлен опорный для дальнейших исследований подземный лагерь. Первая же разведка из этого лагеря позволила спуститься ниже отметки –1192 метра, достигнутой в прошлом году (*256).

Из-за водопадов и высоких стенок, продвижение по каньону Ринкон де Бельагуа потребовало поистине акробатических приемов. Перила, привязанные к большим сталагмитам, нависали над бездной.

Чего стоит только один траверс на 20-метровой высоте над бушующим потоком! Единственными зацепками для лазания служат кальцитовые натеки, грохот воды и водяная пыль заполняют галерею. И так – 260 метров тяжелого лазания!

Постепенно галерея приобретает внушительные размеры. Новый 15-метровый отвес приводит прямо в глубокое и широкое озеро, которое невозможно преодолеть без лодки.

С отметки –1250 метров становится немного спокойнее, но вот оглушительный грохот возвещает о приближении мощного водопада. Полкуба воды в секунду обрушивается с высоты 20 метров в темноту.

Запас веревок уже подходил к концу, поэтому навеска на этот водопад, по словам очевидцев, приносила потом "массу удовольствия". Вербка, по крайней мере, на метр уходила в поток воды.

В добавок, в качестве сюрприза, на ней был узел, который приходилось преодолевать при спуске и подъеме, кувыряясь при этом в бурлящем потоке.

Страшно было даже подумать, что здесь происходит во время паводка, когда расход воды достигает 10-ти и более кубических метров в секунду!

А паводки преследовали экспедицию – наверху шли дожди.

По меньшей мере, трижды рабочие группы отсекались от лагеря паводком в разных частях пещеры. Один раз это произошло после затопления знаменитой узости на глубине –1000 метров.

Тридцать четыре (34!) часа ждали попавшие в западню, пока пройдет паводок: без еды, без лагеря и, естественно, почти без сна – один из участников сказал перед этим выходом: "Поменьше возьмишь – побыстрее пойдешь!"

В последний раз шестерка французов была вынуждена 12 часов пережить паводок на участке Меандро Опримидо выше лагеря, во время чего родилась еще одна отличная фраза, которую не мешает помнить некоторым особо ретивым исследователям глубин. В переводе с французского это звучало примерно так:

"Лучше быть живым мудаком, чем мертвым героем!" (*257)

На глубине –1300 метров свод снизился и, наконец, подземная река скрылась в обширном сифоне округлой формы шириной до 10 метров. До самого конца пещера сохраняла грандиозные размеры!

Но экспедиция продолжалась! Теперь все зависело от спелеоподводников. И они оправдали надежды. Фред Вержье пронырнул подряд три сифона: протяженностью 50, 100 и 50 метров, и остановился перед четвертым. На такой глубине от поверхности земли еще никто не добивался столь замечательного успеха!

Глубина БУ-56 стала –1338 метров.

Испанка вплотную приблизилась к гиганту РСМ (–1342).

Каких-то четыре метра разделяло величайшие пропасти Пиренеев!

* * *

Снежная все еще удерживалась на 2-м месте, но сложности встреченные экспедициями Усикова, Морозова, Козлова (Капрал) в конечном огромном завале, а затем гибель вдохновителя и главного "мотора" исследований Снежной – Александра Игоревича Морозова, делали дальнейшие успехи в этой пропасти проблематичными.

И только Жан-Бернар все увеличивала разрыв.

В 81-м году неутомимый Фред Вержье вместе с первопроходцем первого сифона этой пропасти Патриком Пенесом снова повели атаку на мировой рекорд глубины.

Экспедиция продолжалась всего неделю, собрала под свои знамена более 30 спелеологов из разных мест, привлекла внимание журналистов и телевидения. Обстановка праздничного карнавала сопровождала эту рекордную экспедицию, во время которой отважная двойка подводников прошла второй сифон пропасти и остановилась перед третьим на глубине -1445 метров.

Однако попытки дальнейшего продвижения представлялись подводникам столь рискованными, что Вержье и Пенес объявили экспедицию 81-го года последней.

Но по размышлении Патрик Пенес решил, что шанс все-таки есть, и в следующем году с Ж.Л.Фантонелли они вернулись в Жан-Бернар.

Удача приходит к настойчивым!

Третий сифон был пройден, но... за ним подводников ждало разочарование – четвертый сифон, замыйтый песком и непроходимый.

В результате глубинный полюс планеты вырос почти до заветной полуторакилометровой глубины: -1494 м!

* * *

Если пропасть не может расти вниз – следует поискать продолжение повыше!

Поиски выше расположенных входов в подземные системы часто приводили к успеху. Так произошло и в этот раз.

Уже в следующем, 1983 году, была найдена связь входа Б-22 с основной частью пропасти.

Заветная мечта спелеологов всех стран осуществилась в Гуффр Жан-Бернар – человек переступил отметку -1500 метров.

Французы установили фантастический рекорд: -1535 метров денивеляции при протяженности системы 17900 метров.

Все соперники остались далеко позади!

* * *

А между тем противостояние Арабики и Бзыби продолжалось.

-----

*247 К.Б.Серафимов "Я хочу на Кавказ", Усть-Каменогорск, 1982г.

*248 К.Б.Серафимов "Дорога на Рицу", в самолете над Уралом, 1987г.

*249 Пещера Сувенир славилась своими узостями.

*250 К.Б.Серафимов "Посвящение ВТП-82", Воронцовский приют, 1982г.

*251 Ю.Шакир "Искать, надо искать", "Ветер странствий" № 25, 1990г.

*252 Здесь и далее цифры по "Крупнейшие карстовые полости СССР. Часть III "Спелеологические провинции Большого и Малого Кавказа", АН УССР ВИНТИ, Киев, 1987, стр.198-203.

*253 НИВЕЛИР – геодезический прибор для (так и хочется написать – "нивелирования"!) определения относительных высот точек земной поверхности.

*254 К.Б.Серафимов "Гельгелук", Гагрский хребет, Арабика, 1988г.

*255 Международная экспедиция в июле 1988 года в систему имени Илюхина на Арабике состояла из спелеологов Перовского клуба Москвы, Усть-Каменогорского клуба "Сумган", Белоусовского клуба "Вертикаль" и сборной команды Польского Альпийского Союза – POLSKI ZWIAZEK ALPINIZMU (PZA).

*256 Здесь и далее по материалам Франсуа Пернета и Ришара Мэра "Сима де лас Пуэртас де Ильямина (БУ-56)", "Spelunca" № 9, Франция, 1983 г, в переводе А.И.Морозова.

*257 Сдается мне, что это не самый удачный перевод: по-русски можно выразиться гораздо точнее!

Константин Борисович Серафимов

"ЭКСПЕДИЦИЯ во МРАК"

www.sumgan.com